

ПОЛЕЗНАЯ, СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ КНИГА О НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТАХ ПО ЭКОНОМИКЕ

Худокормов Александр Георгиевич
Доктор экономических наук, профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)

Аннотация

В рецензии на книгу новосибирского ученого Ю.П. Воронова «Нобелевские лауреаты по экономике (1997–2018)» обсуждается общий критерий разделения ведущих экономистов мира на экономистов-математиков и экономистов-теоретиков. Разбирается также позиция автора относительно современного состояния мировой экономической мысли. Отмечается высокий в целом уровень анализа и достоинства литературного оформления книги.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике, современное состояние экономической теории, кризис Economics.

JEL коды: В31.

В 2019 г. в новосибирском издательстве «Автограф» увидела свет монография ведущего научного сотрудника Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии Наук (ИЭОПП СО РАН) Юрия Петровича Воронова. Книга Ю.П. Воронова посвящена научному творчеству Нобелевских лауреатов по экономике, получивших эту награду в промежутке между 1997–2018 гг. Разбор содержательной и полезной публикации новосибирского ученого мы начнем с того, чем автор ее заканчивает – с классификации научных разработок, увенчанных нобелевским призом.

Ю.П. Воронов разделяет Нобелевские премии указанного периода на две относительно равные части: награды Банка Швеции за совершенствование математических и инструментальных методов (12 отличий) и премии, отметившие разработки «субъективной (психологической) экономической теории» (10 премий) (Воронов, 2019). В соответствии с данным подходом сами Нобелевские лауреаты от экономической науки также разделены на экономистов-математиков (экономистов-инструменталистов) и экономистов-теоретиков, причем последние, согласно Ю.П. Воронову, прилагают основные усилия в направлении психологизации и субъективизации экономической науки.

Придерживаться подобной концепции – суверенное право автора. Однако заметим, что строгое и последовательное размежевание по сформулированному выше критерию вряд ли возможно, поскольку большинство экономистов-«нобелиатов» являются одновременно и

теоретиками, и инструменталистами. Критерий Ю.П. Воронова следовало бы несколько изменить: Нобелевской премией по экономике в период с 1997 по 2018 г. награждались либо представители экономико-математической науки (экономисты-«прикладники», «инструменталисты»), либо ученые, занятые *преимущественно* (выделено нами – А.Х.) исследованиями в области общей экономической теории (вопросы методологии, интерпретация общих принципов функционирования экономических систем и т.д.).

К более-менее выраженным «инструменталистам», с преобладанием в их трудах прикладных исследований, среди «нобелиатов» указанных лет можно, на наш взгляд, выделить финансовых математиков Р.С. Мертона и М.С. Шоулза (премия 1997 г.), эконометристов Дж. Хекмана и Д. МакФаддена (2000)¹, их коллег, работавших в сходных областях, Р. Энгла и К. Грейнджера (2003), специалистов в области теории игр Р. Ауманна и Т. Шеллинга (2005), а также Л. Гурвича, Э. Маскина, Р. Майерсона (2007), Д. Мортенсена и К. Писсаридиса (2010), Э. Рота, Л. Шепли (2012), а из лауреатов 2013 г. – П. Ханссена. (Всего, следовательно, 15 экономистов из 40, увенчанных Нобелевским призом в 1997–2018 гг.).

Ю.П. Воронов по профессии тоже «преимущественно» экономист-математик. Не удивительно поэтому, что среди «нобелиатов» он обнаружил по большей части, так сказать, собратьев по цеху. Но такие авторы, как Ф. Кидланд и Э. Прескотт, разработавшие «технологическую» теорию экономического цикла, Э. Фелпс – создатель концепции NAIRU (т.е. уровня безработицы, не вызывающей ускорения инфляции) никак не могут быть исключены из состава экономистов-теоретиков. То же самое, хотя и по другим поводам, можно сказать о видном теоретике новой экономгеографии и международной торговли П. Кругмане, о создателе «кокосовой модели», объяснившем одновременное существование безработицы и дефицита предложения на рынке труда П. Даймонде, о видном теоретике «рациональных ожиданий» Т. Сардженте, современном представителе кейнсианской теории Р. Шиллере, его оппоненте, авторе «гипотезы эффективного рынка» Ю. Фаме, об основоположнике «экономической теории счастья» А. Дитоне и, наконец, о видных лидерах неоинституционализма О. Харте и Б. Хольстрёме.

Инструменталистский перекоп в оценке вклада Нобелевских лауреатов по экономике является, на наш взгляд, известным недочетом рецензируемой книги. Но он с лихвой перекрывается тем компетентным анализом, который сопровождает в труде Ю.П. Воронова изложение концепций выдающихся экономистов-математиков. Автор этих строк, преподаватель истории экономических учений, имеет на сей счет собственный, возможно, наивный критерий: представленный анализ воззрений того или иного крупного экономиста является качественным, если на его основе можно составить хорошую лекцию. Иными словами, само содержание предмета (т.е. новых экономических концепций) настолько понятно самому исследователю, настолько четко и ясно изложено им, что это содержание можно донести, «не расплескав», до студенческой аудитории.

Говорят, что о вкусах не спорят. И все же, по нашему мнению, Ю.П. Воронову больше всего удались лекции о «красоте кривых» в произведениях экономистов-математиков Дж. Хекмана, Д. МакФаддена, Р. Энгла, К. Грейнджера и других. В частности, на примере их

¹ Здесь и далее в скобках указан год присуждения Нобелевской премии.

трудов Ю.П. Вороновым раскрывается содержание таких проблем, как «агорафобия» (боязнь потери контроля в общественном месте), «меритократические ценности» (в контексте проблем макроэкономической эффективности), выбор способа поездки по городу и т.д. (Воронов, 2019, с. 62-76).

Среди тем, отнесенных Ю.П. Вороновым к полю «субъективной психологической теории», выделим, как наиболее удачный, анализ взглядов Л. Гурвича, Э. Маскина и Р. Майерсона, получивших Нобелевскую премию 2007 г. «за создание основ теории оптимальных механизмов». К лучшим очеркам Ю.П. Воронова относится, как нам представляется, глава с интерпретацией творчества Э. Рота и Л. Шепли (премия 2012 г.), которая посвящена, кроме всего прочего, механизмам «составления стабильных пар» на брачном рынке, на рынке труда, пар из «реципиентов и доноров» в медицине и т.д. (Воронов, 2019, с. 274-286). Глава названа автором «Конец одиночества», что является, на наш взгляд, литературной находкой, превращающей серьезную по тематике книгу в поле увлекательного чтения. Таких литературных удач в книге много. Назовем, например, заглавие параграфа «Информация, выжатая из лимона», посвящённая рынку дефектных автомобилей («лимонов») в трудах Дж. Аккерлофа (Воронов, 2019, с. 77-80).

Несомненным плюсом рецензируемой книги являются плодотворные попытки автора соединить анализ творчества Нобелевских лауреатов с исследованием ряда проблем российской экономики. В этой области нам более всего импонируют комментарии Ю.П. Воронова к модели и теориям Э. Прескотта и Ф. Кидланда. Эти экономисты в качестве важнейшего элемента государственной политики выделяют «состоятельность во времени» (time consistency). Данным термином «нобелиаты» 2004 г. обозначают «последовательную политику государства, при которой достаточно длительное время государственные органы выдерживают одну и ту же линию поведения» (Воронов, 2019, с. 125). Взвесив значимость идеи для российской экономики, Ю.П. Воронов предлагает интерпретировать ее в духе собственной максимы: «Более необходимо соблюдать правила, чем приказывать» (Воронов, 2019, с. 129).

Но, к сожалению, как отмечает автор, российская действительность развивается в прямо противоположном направлении: «Ежегодно меняются формы банковской и налоговой отчетности, причем об этом не удосуживаются сообщить заранее». По мнению Ю.П. Воронова, «суетливость российской государственной политики имеет особый смысл... по той причине, что... огромный государственный аппарат требует работы, чтобы оправдать свое существование» (Воронов, 2019, с. 130).

Убедительная критика автором «несуразностей» российской экономической практики, выступающих особенно рельефно на фоне выводов, почерпнутых из трудов Нобелевских лауреатов, буквально рассыпана по всей рецензируемой монографии (Воронов, 2019, с. 14, 105, 106, 186, 230, 261, 307). Но нам хотелось бы обратить внимание и на позитивный итог этой критики.

Так, исследуя новации, введенные в экономическую науку Тулузской школой экономической теории и ее лидером – Нобелевским лауреатом 2014 г. Жаном Тиролем, Ю.П. Воронов обратил внимание на остро актуальную тему «последней мили». В экономике так

называют завершающий этап экономической деятельности, связанный с доставкой благ непосредственно потребителю, причем, как правило, при резком повышении конечных удельных затрат. В энергетике проблема «последней мили» связана с повышенными потерями энергии в электросетях с низким напряжением или потерями тепла в тонких трубах непосредственно в жилых домах. На транспорте повышенные издержки «последней мили» проявляются в низкой рентабельности перевозки пассажиров в сравнении с перевозкой грузов, меньшей выгодности электричек сравнительно с поездами дальнего следования или перевозок на короткие расстояния в сравнении с долгими маршрутами. В логистике та же проблема отражает взлет дороговизны транспортировки товара конечному потребителю на финальном этапе. Наконец, в образовании «последняя миля» – это заключительный этап в движении знаний от преподавателя до учащегося школы или вуза (Воронов, 2019, с. 310-314). (Этот этап – самый затратный; он дороже всех предыдущих стадий, связанных с учебой самих преподавателей, подготовкой учебников, учебных программ и даже строительством необходимых зданий.)

Ю.П. Воронов предлагает собственную продуманную программу частичного разрешения проблемы «последней мили» в каждом из отмеченных выше случаев (Воронов, 2019, с. 317-318). В частности, в сфере образования его предложения сводятся к следующему:

- для сельских школ решением является школьный автобус: «возить детей в школу дешевле, чем содержать школу в малом конечном пункте»;
- для всех школ и вузов решением является Интернет: его использование сокращает потребности в работе преподавателя. Более того, благодаря Интернету, преподаватель может получать знания от учеников и «постепенно формируется реверс, т.е. обратный поток знаний от ученика к учителю»;
- для всех учебных заведений решение связано с отмиранием односторонней связи – только от учителя к ученику. Необходимо чтобы учащиеся начинали самостоятельно формировать собственную систему знаний (Воронов, 2019, с. 317).

Выдвинутая Ю.П. Вороновым концепция «реверса» убедила автора этих строк в том, что введение в уставные документы вузов категории «компетенции» не является очередной бюрократической выдумкой. Точно так же переубедили меня его предложения предоставить студентам на лекциях возможность задавать вопросы, что называется, «с ходу», и его же метода – предлагать ответить на эти вопросы сначала самим студентам. Согласен я и с конечным выводом Ю.П. Воронова о том, что «время конспектирования длительных лекций безвозвратно ушло» (Воронов, 2019, с. 317).

Книга Ю.П. Воронова обладает рядом других достоинств, часть из которых отражена в отзывах его рецензентов, помещенных на суперобложке издания. К их числу (кроме уже отмеченных привлекательного литературного стиля, ясного изложения довольно сложных теорий, глубокого анализа институтов образования, науки и всей российской экономики в целом) относится также историко-экономическая эрудиция автора, его опора на сведения, факты из истории экономических доктрин.

Но, как и всякое содержательное исследование, монография Ю.П. Воронова в ряде случаев рождает желание подискутировать, поспорить с ее положениями.

Так, автор весьма нелицеприятно отзывается о практике преподавания экономической теории не только в нашей стране, но и во всем мире. В заключении одной из глав читаем буквально следующее: «Самая главная кукольная страшилка для японских детей – не Баба Яга..., а красивая кукла, у которой нет лица. Вместо лица – плоский овал без глаз, носа и рта. Это фактически и есть преподаваемая по всему миру экономическая теория со своим абстрактным «Ното есопомісус» и макроэкономическими моделями. Японских детей пугали, а миллионы студентов-экономистов по всему миру приучали и приучают любить эту безликую куклу рыночной экономики» (Воронов, 2019, с. 115).

Многочисленные выпады против преподавания и самого содержания Economics на других страницах книги столь же жестки и не толерантны².

Между тем критика воззрений самих Нобелевских лауреатов по экономике выглядит под пером Ю.П. Воронова не просто мягкой, а, я бы сказал, почти комплементарной³. Более того, иногда он готов излагать без критики любую несуряницу, если она вышла из лаборатории увенчанного «Нобелем» автора. Ю.П. Вороновым активно цитируются утверждения Нобелевского лауреата 1993 г. Роберта Фогеля о том, что к началу Гражданской войны на Юге США «рабский труд был эффективнее свободного труда фермеров», причем «в среднем рабы жили лучше, чем рабочие северных штатов» (Воронов, 2019, с. 205-206). Между тем оба утверждения игнорируют огромную разницу в трудозатратах на «южных» (хлопковых) и «северных» (в основном пшеничных) полях; при этом второе утверждение строится на игнорировании элементарного требования изучать научную проблему на основе длительных исторических промежутков.

(Известно, что при монополюльно высокой цене на американский хлопок на мировом рынке, рабовладельцы Юга получали от своих латифундий более высокую прибыль, чем предприниматели Севера от их предприятий. Но что это доказывает? Только то, что рабовладельцы выжимали из негров-рабов большую долю прибавочного труда. «Хозяева покупали рабов, чтобы те трудились – тяжело и беспрестанно. А хлопок создавал для этого возможности. Здесь надо было работать круглый год: готовить поле, сеять, ухаживать, пропалывать, собирать урожай, очищать собранное и потом везти весь товар на рынок» (Макинерни, 2009, с. 190). По сути, на Юге США перед Гражданской войной временно создались условия для региональной монополии на сверхприбыльный бизнес – на основе синтеза плантационного рабства и раннего капитализма. Дело тут именно во временной монополии, а не в особой производительности плантационного рабовладения. Не следует забывать и о долгосрочных последствиях латифундиального хозяйства: прогрессирующем истощении земель на Юге, отставания от продвинутого Севера во всем, что касалось развития фабрик, банков, транспорта, урбанистической цивилизации и т.д.)

² В другом месте книги Ю.П. Воронова читаем: «До сих пор экономистов во всем мире учат некоторой вымышленной экономике, в которой действуют вымышленные люди, непохожие на тех, кто живет вокруг нас». Во всех поступках этих «экономических людей»... «существует только критерий личной выгоды» (С. 363).

³ См., например, (Воронов, 2019, с. 273).

Что же касается уровня жизни негров-рабов, то его наглядно характеризует следующее высказывание, взятое нами из американской литературы: «Плантаторы заставляли рабов трудиться от восхода до заката – по 14 часов летом и по 10 часов в зимнее время. Тех, кто не подчинялся, секли кнутом или подвергали другим наказаниям» (Макинерни, 2009, с. 199).

Но дело не только в воззрениях Р. Фогеля. Практически все наследие Нобелевских лауреатов по экономике рассматривается Ю.П. Вороновым некритически. В итоге весь комплекс экономической науки на Западе и не только на Западе приобретает странный вид: на верхних этажах пирамиды, где располагаются труды «нобелиатов», все якобы обстоит благополучно, тогда как основание Economics, предназначенное для массового преподавания и применения, утопает в научных и даже политических грехах⁴.

Но такое построение, мягко говоря, не логично. Впрочем наша цель состоит не в том, чтобы защитить концепцию «Номо економіcus» и всю, основанную на ней, теорию. Мы лишь хотим подчеркнуть, что вовсе не все благополучно не только внизу, но и на «верхних этажах» современной экономико-теоретической пирамиды (Худокормов, 2015).

В экономической литературе уже ряд лет обсуждается тема современного кризиса Economics, ставшая особенно актуальной после мирового экономического спада 2008–2009 гг. По мнению глубокого знатока вопроса В.М. Полтеровича, экономический кризис конца нулевых «оказался одновременно и кризисом экономики как научной дисциплины. Или, точнее, послужил демонстрацией того, что экономическая наука, несмотря на, казалось бы, впечатляющие успехи, вот уже много лет находится в состоянии перманентного кризиса» (Полтерович, 2011).

Но тема «кризиса», поразившего *все слои и уровни* современной Economics (хотя, возможно, в неравной степени) даже не затрагивается в содержательной в целом книге Ю.П. Воронова. И в этом, на наш взгляд, состоит ее основной недостаток.

Имеются, впрочем, влиятельные исследователи, которые вообще отрицают «кризисное бытие» современной экономической теории. Некоторые из них, оценивая, к примеру, качество макроэкономики, на долю которой приходится максимум критических замечаний, объявляют ее состояние «не триумфальным», «не кризисным», но вполне «рабочим», хотя и не слишком вдохновляющим (Капелюшников, 2018, с. 24). Однако Ю.П. Воронов по отношению к «массовым» экономическим концепциям – явный алармист. Кому, как не ему, критически подойти к теме *modern condition of economics* и разобраться с проблемой ее кризиса. Тем более, что выделяемые им новации «нобелиатов» в области математических методов анализа экономики, отнюдь не являются панацеей от кризисной эволюции теории. Напротив, как полагают видные представители экономической науки и у нас, и на Западе, тотальная математизация способна стать формой именно кризисного развития, поскольку «экономисты

⁴ «На концепцию «Номо економіcus» возложена сильная политическая нагрузка. На ней основана либеральная концепция да и бытовое представление о рыночной экономике. Если люди в какой-то стране не ведут себя по образцу «экономического человека», то такая страна исключается из разряда «нормальных» стран. Если население этой страны позволило властям накопить внешние долги, то с ним можно делать что угодно. Этих людей нельзя мерить меркой «Номо економіcus». С позиций экономической теории они уже – не совсем люди» (Воронов, 2019, с. 60).

отдают предпочтение математической технике в ущерб глубинному пониманию экономических явлений» (Полтерович, 2011, с.102).

Более того, как подчеркивает В.М. Полтерович, «природа кризиса заключается не столько в недоразвитости методов экономического исследования, сколько в ложной претензии экономистов на то, что экономика должна стать и постепенно становится «точной» наукой... – в том смысле, в каком «точными» являются теоретическая механика или химия» (Полтерович, 2011, с.103). В.М. Полтерович напоминает далее, что применение весьма тонких математических методов завершилось доказательством ряда теорем «о невозможности получить ответы на важнейшие вопросы в рамках естественных постулатов» (Полтерович, 2011, с.103). В выведении указанных теорем участвовали и Нобелевские лауреаты (теорема Эрроу, теорема Зонненшайна–Мантеля–Дебре).

Наша критика общих оценок экономической науки в труде Ю.П. Воронова (порядок наверху и беспорядок снизу) относится к трудным и спорным вопросам, где каждый вправе занять позицию, которая убеждает его в максимальной степени. Но есть в рецензируемой книге такие пассажи, которые в будущем, безусловно, должны быть исправлены.

К числу последних относятся, во-первых, те положения книги, которые без корректировки были перенесены в нее из более ранних статей автора. Так, сегодня евро является единой валютой уже для 19 стран ЕС, а не для 11, как было в момент его рождения (Воронов, 2019, с. 45). Или еще: Россия была участницей «Большой восьмерки» в 1997–2014 гг., но сейчас таковой уже не является (Воронов, 2019, с. 157).

Во-вторых, необходимо исправить написание имен многих фигурантов книги: Нобелевского лауреата 1991 г. зовут Рональд Коуз (Воронов, 2019, с. 244). А имя лауреата 1993 г. Дугласа Норта в сокращенном виде не может передаваться буквами «Дж.» (Воронов, 2019, с. 219). Полное имя крупного отечественного экономиста выглядит так: Рустем Махмутович Нуреев (Воронов, 2019, с. 278) – и никак иначе.

В-третьих, в последующих изданиях книги, которые мы надеемся увидеть в скором времени не должно быть фактических ошибок.

Например, собственный опыт подсказывает мне, что автор ошибается, утверждая, будто бы за рубежом «цены в супермаркетах выше, чем в магазинах шаговой доступности» (Воронов, 2019, с. 63). Насколько мне известно, все обстоит как раз наоборот – и в России, и во всем мире.

Кроме того, первое издание книги Э. Чемберлина «Теории монополистической конкуренции» вышла в нашей стране еще в годы «оттепели» (1959 г.), т.е. намного раньше, чем получается у автора (Воронов, 2019, с. 136).

На наш взгляд, было бы лучше, если бы автор изменил тональность критики в адрес «пятичленки» К. Маркса (Воронов, 2019, с. 195). Во-первых, еще вопрос: был ли Маркс автором пресловутой «пятичленки», а во-вторых, и К. Марксу, и советским авторам было, ко-

нежно же, известно о плантационном рабстве в США, которое просуществовало там до середины 1860-х гг. и исчезло намного позже феодализма в Западной Европе.

Неточно выглядят утверждения автора, что реформы Столыпина «и в советской (!?), и в современной российской литературе... рассматриваются только позитивно» (Воронов, 2019, с. 224).

Еще одно замечание: Д. Познер и Г. Таллок никогда не были Нобелевскими лауреатами по экономике, а лидер монетаризма М. Фридмен вошел в историю экономических учений преимущественно в качестве экономиста-теоретика (т.е. в первую очередь – не статистика) (Воронов, 2019, с. 223).

Наконец, Анна Шварц (Энн Сворц) не являлась супругой Милтона Фридмена, а была его соавтором по основному труду «Монетарная история Соединенных Штатов. 1867–1960» (Воронов, 2019, с. 356). Имя жены М. Фридмена и одновременно его соавтора по ряду работ – Роза Фридмен, в девичестве – Роза Директор.

Фактических ошибок, как видим, многовато. Но добрая половина из них лежит на совести редакторов, которые обязаны были тщательно вычистить от них рецензируемую книгу. Однако деятельность лиц данной профессии теперь затруднена стремлением издательств сократить издержки и максимизировать прибыль любой ценой.

В заключение хочется выразить надежду, что в следующем издании научный труд Ю.П. Воронова будет включать анализ воззрений дополнительного числа Нобелевских лауреатов, что тираж его монографии будет значительно увеличен. Что касается моих критических замечаний, они рождены желанием увидеть книгу в лучшем исполнении, а их количество свидетельствует о том, что книга Ю.П. Воронова была прочитана мною со всем вниманием.

Список литературы

Воронов Ю.П. Нобелевские лауреаты по экономике (1997–2018). Новосибирск: Автограф, 2019.

Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полужономические наблюдения. М.: Высшая школа экономики, 2018.

Макинерни Д. США: история страны. СПб.: Мидгард, 2009.

Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 101–111.

Худокормов А.Г. Экономическая теория: новейшие течения Запада. М.: ИНФРА-М, 2015.

USEFUL, INFORMATIVE BOOK ON NOBEL PRIZE WINNERS IN ECONOMICS

Alexander G. Khudokormov
Doctor of Economics, Professor
Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Economics
(Moscow, Russia)

Abstract

In the review of the book of the Novosibirsk scientist Yu.P. Voronov's "Nobel Laureates in Economics (1997–2018)" discusses a general criterion for dividing the world's leading economists into mathematicians and theoreticians. The author's position on the current state of world economic thought is also examined. A generally high level of analysis and the dignity of the literary design of the book are noted.

Key words: Nobel Prize in Economics, modern condition of economic theory, Economics crisis.

JEL codes: B31.